

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.030
УДК 811.511.11'373.21 + 811.511.11'373.6 +
+ 913(470.1/.2) + 913(470.22)

И. И. Муллонен

¹ Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

² Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН
Петрозаводск, Россия

«ФИНСКО»-СААМСКОЕ ПОЛОВОДЬЕ В ТОПОНИМИИ КАРЕЛИИ И РУССКОГО СЕВЕРА

В статье предложен анализ четырех топооснов с семантикой ‘половодье, разлив воды’ с прибалтийско-финскими и — шире — финно-угорскими истоками, которые воплотились в топонимии Карелии, а также за ее юго-восточными пределами — на Русском Севере. Материалом послужили данные картотеки топонимов Карелии и смежных областей, а также топонимической картотеки Уральского университета по территории Русского Севера. В силу семантики рассматриваемые топоосновы функционируют в первую очередь в названиях водных объектов, а также заливных угодий. Анализ показал, что все топоосновы имеют глагольную природу и являются отглагольными именами. При этом для двух из них (*Tulv-/Тулв-* и *Pais-/Пайж-*) обнаруживаются этимоны (*tulva*, *paise*) в современных прибалтийско-финских языках. Для третьей основы — *Kost-/Кост-* (*Koum-*, *Kuut-*, *Kuum-*), которая традиционно соотносится с прибалтийско-финским прилагательным *kostea* ‘сырой’, предлагается возможность «паводковой» интерпретации. Она исходит, с одной стороны, из того, что как сырые, мокрые могут позиционироваться места, заливаемые водой во время половодья; с другой — из семантики возвратного движения, свойственной глагольной основе *kosta-*. Последняя отражает характерное движение воды туда-обратно. Наконец, четвертая топооснова базируется на саамских языковых данных и их праязыковой реконструкции **pēnte-* ‘разливаться, подниматься (об уровне воды)’, которую допустимо восстанавливать в основе ряда топонимов. Проведенный анализ позволяет пересмотреть или,

по крайней мере, предложить новые возможности для этимологической интерпретации некоторых ландшафтных терминов (например, *пендус*), а также субстратных для Русского Севера топооснов и образованных от них топонимов (*Ку́шта*, *Па́жа*, *Пинду́ша*). Он в конечном итоге продвигает решение многотрудной задачи поиска истоков субстратной топонимии Русского Севера.

Ключевые слова: топонимия; субстрат; этимология; прибалтийско-финские языки; саамские языки; Русский Север; Карелия

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

Места сезонного или спровоцированного иной причиной разлива рек и озер привлекали к себе внимание и маркировались специальными топоосновами. В севернорусской топонимии к ним можно отнести термин *пово́дь*, которым именуются несколько деревень в Новгородской области (*Пово́дь*). К последнему восходят и ойконимы *Поводнево* в Ярославской и Тверской областях, топонимы оз. *Поводе́нное*, пок. *Поводе́нок*, *Поводни́ца*, *Поводни́ще* и др. на Русском Севере. В этом же ряду многочисленные именованья озер, болотистых берегов, покосов *Поло́й*, *Поло́вное* и *Полово́е*, топонимы *Разли́в*, *Затопи́ха*, *Затопля́ево*, *Зато́н*, *Зато́нье*, *Зато́нки*, также бытующие на Русском Севере [ТКТЭ]. Естественно ожидать их и в прибалтийско-финской топонимии — как на современной, так и на исторической территории проживания ее носителей. В топонимии Карелии и Русского Севера представлено несколько топооснов прибалтийско-финского и — шире — финно-угорского происхождения, которые актуальны в контексте анализа лексики половодья. В статье рассмотрены четыре основы, имеющие глагольную природу. Материалом послужили данные картотеки топонимов Карелии и смежных областей [КТК], а также топонимической картотеки Уральского университета по территории Русского Севера [ТКТЭ]. К сожалению, информация о паводках, весенних разливах, подтоплениях, присущих местности, лишь иногда отмечается в материалах картотек. Этот пробел в какой-то мере компенсировался привлечением топографических карт, отражающих эту информацию и подтверждающих косвенным образом этимологию.

Судя по проведенному поиску и анализу, востребованность «паводковых» топооснов относительно невелика. Для Северо-Запада России, где весеннее половодье обычно и повсеместно, эта характеристика не является в полной мере индивидуализирующей и постоянной. Тем не менее места разливов были привлекательны в качестве заливных лугов, обкашиваемых в межень, и попадали в поле внимания номинаторов.

Карельская топооснова *Tulva-*

Прибалтийско-финский термин *tulva* ‘разлив, половодье’ является финско-карельским суффиксальным новообразованием от глагольной основы *tule-* ‘приходить, прибывать’ [SSA; Nikkilä, 1998, 98]. В картотеке топонимов Финляндии 35 фиксаций с основой *Tulva-*: названия озер (*Tulvajärvi*), их заливов (*Tulvalahti*), берегов (*Tulvaranta*), ручьев (*Tulvaaja*, *-uoma*, *-puro*), покосов (*Tulvaniitty*), затопливаемых водой низин (*Tulva-aro*) [Nimiarkisto] — не так много, но достаточно, чтобы подтвердить ее топонимическое бытование. Для карельской топонимии она раритетна. Тем не менее некоторые скрытые следы ее обнаруживаются в Обонежье. Среди них руч. *Тулморучей* (Пудож., Салмозеро) в Восточном Обонежье. В топооснове отражается характерный для прибалтийско-финской фонетики переход $v > t$ в позиции после звонкого согласного, спровоцированный диссимиляцией (ср. оз. *Ладмозеро* из *Ладвозеро* в Заонежье или на Выгозере оз. *Сармасозеро* < **Sarmasjärvi* < **Sarvasjärvi* при параллельном оз. *Рогэцкое*, из карел. *sarvi* ‘рог’). Такая «паводковая» этимология хорошо согласуется с ландшафтной характеристикой: руч. Тулморучей впадает в оз. Гусиное с низкими болотистыми берегами. Оно широко разливается в весеннее половодье, меняя свои очертания и увеличиваясь в размерах. Очевидно, именование ручья сохранило память о прежнем названии оз. Гусиное — **Тулмозеро* < **Tulmajärvi* < **Tulvajärvi* ‘Паводковое озеро’. Современное именование связано с гнездящимися на низких болотистых берегах гусями [КТК].

Второй след заманчиво видеть в названии залива Онежского озера *Тулгуба* — карел. *Tullahti* < **Tulvlahti* < **Tulvalahti* (*-lahti* ‘залив, губа’), в котором на стыке двух элементов сложного топонима произошла редукция концовки атрибутивной части. Для топоосновы предлагалась другая интерпретация [Захарова, Муллонен, 2021, 133–134]. Однако характер местности подтверждает скорее этимологию, связанную с половодьем. В Тулгубу впадает одна из самых значительных рек Южной Карелии — Суна, образующая в устье заболоченную низину, тянущуюся от низовьев Суны на юг вдоль берега Тулгубы на 5–7 км вплоть до устья другой реки — Анги. Весь участок низменного берега залива подвержен весеннему половодью (см. рис. 1). Эта наиболее приметная особенность местного ландшафта могла естественным образом отразиться в именовании зал. *Тулгуба*.

Кроме этого, этимология поддерживается примечательными наименованиями смежных объектов, в которых реализуется один и тот же или схожий мотив называния: «половодье, разлив». Это оз. *Кюштомозеро* (о топооснове *Кошм-/Кушм-* см. далее), в нижнем течении р. Суна, замыкающее с северо-запада зону весеннего подтопления, а также обширная низина *Повежи* при впадении реки в Онежское озеро. Последняя тополексема представлена в нескольких названиях Прионежья, формирующих здесь компактный и довольно насыщенный ареал: о-в *Повежи* (Колгостров), зал. *Повежи* (У Спаса), о-в *Повежи*, или

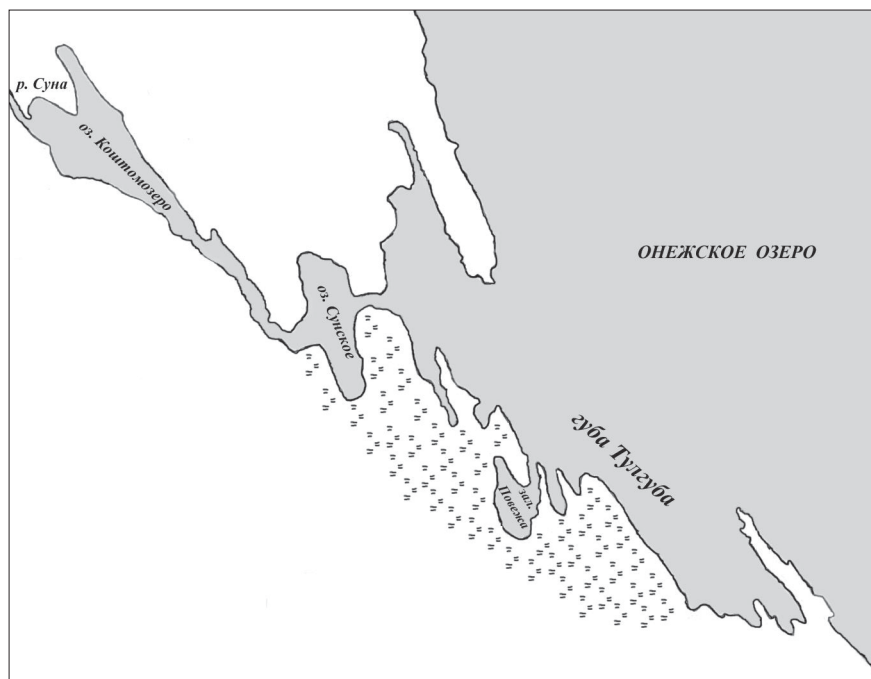

Рис. 1. Паводковая зона на берегу зал. Тулгуба

Повежий остров (Грязная Сельга), зал. *Горская Повежа*, *Павловская Повежа*, *Лукинское Повежье*, ур. *Заповежье* (Горка, Лукин Остров), зал. *Poviženlaht* (Сопоха), в котором люд. *-laht* ‘залив’. Семь топонимических фиксаций в локальном ареале на людиковско-русском пограничье, при этом привязанных к однотипным объектам — озерным заливам и расположенным в них островам, явно указывают на терминологический характер топоосновы. Терминологические истоки подтверждает и [СРГК, 4, 581]: *повежа* в кондопожских говорах Карелии имеет значение ‘узкий залив, заросший осокой и затянутый тиной’. Каковы этимологические истоки термина? Предложено связывать его с карельским термином *rivaž* ‘рукав реки, протока’ [РДЭС, 614], что вполне соответствует географическим реалиям, называемым термином, хотя не вполне релевантно фонетически в вокализме второго слога. Фонема [e] второго слога оказывается проблематичной и при славянской интерпретации, ср. известное в русских беломорских говорах Карелии *поводь*, *поводье* ‘весеннее половодье, паводок от сильных дождей’ [СРНГ, 27, 252]. Корень *vod-* ‘вода’ имеет устойчивый праславянский вокализм [o] и ни в одном славянском языке не чередуется с *ved-*, что заставляет в принципе предполагать для термина другие этимологические связи, например видеть за ним суффиксальный йотовый дериват от *повесті*, *поведу́* (с корнем *ved-*): **povedja* >

*пóвежа*¹. Правда, лексические данные русских говоров и славянских языков не содержат убедительных этимонов. Единственная фиксация, связанная (относительно) с ландшафтной лексикой, — *повéдень* ‘отлогий покатый вал на реке или озере’ (с пометой «север.») [Захарова, Муллонен, 2021, 224] — оказывается на деле реминисценцией архангельской диалектной лексемы *повóдень* ‘плавная волна на море, реке; покатая широкая волна’ [Там же, 249], вводящей ее в круг производных от основы *vod-* и подвергающей сомнению верность написания термина в первом случае. Так что вопрос остается не разрешенным до конца, тем более что этноязыковая история этой локальной территории не исключает относительно раннего русского внедрения. В контексте наших этимологических поисков для *Тулгубы* славянская интерпретация термина *пóвежа* позволяла бы видеть в паре *Тулгуба — Пóвежа* метонимическую кальку и подтверждать тем самым «паводковую» этимологию топоосновы *Тул-*. Но даже карельское происхождение термина в конечном итоге «работает» на нее, поскольку небольшие заливы-*повежи* практически являются заросшими протоками (карел. *puvas* ‘рукав, протока’), разливавшимися в весеннее половодье. По полевым данным [КТК], по крайней мере часть урочищ с названием *Пóвежа* — не только заливы и острова, но и расположенные по их берегам заливные прибрежные луга.

Являясь узким новообразованием, представленным в финском и карельском языках и тем более не выходящим за пределы прибалтийско-финского языкового сообщества, лексема-этимон *tulva* ‘половодье’ если и проникла в топонимию Русского Севера, то минимальным образом.

Прибалтийско-финская топооснова *PaisV-*

Вторая топооснова с «паводковой» семантикой тоже имеет отглагольную природу и восходит к основе *paisu-*, которая практически во всех прибалтийско-финских языках используется в значении ‘подниматься, разливаться, выходить из берегов (о воде, реке)’, ее производные имена: фин. *paise*, *paisumus*, эст. *pais*, лив. *paizem* ‘разлив; запруда; заливной луг’ [SSA, 2, 291]. Топонимических примеров немного, однако они выстраиваются во вполне убедительный ряд: финские заливные покосы *Paisuanniityt* (фин. *niityt* ‘покосы’), оз. *Paisejärvi* (фин. *-järvi* ‘озеро’), заливные угодья *Paisuke*, *Paisuma*, *Paisunta* (все выражены диалектными терминами, в которых основа *paisu-* осложнена суффиксами) и др. [Nimiarkisto]. В топонимии Карелии: пок. *Paizikko* — рус. *Пáйжики* в людиковском Прионежье (Конд., Сопоха), руч. *Paizoja* (люд. *-oja* ‘ручей’) в ливвиковском языковом ареале (Олон., Кинерма), пок. *Paizæg* у вепсов Шимозерья (Влг., Выт.), руч. *Пáйжев*, текущий из бол. *Пáйжево*, или *Пáжевские Мхи*, на р. Оять (Лодейн., Симовичи).

¹ Благодарю за консультацию о возможных этимологических связях лексемы *пóвежа* доктора филол. наук, проф. В. Л. Васильева.

В последнем примере «паводковая» этимология подтверждается тем, что ручей протекает через узкое длинное озерко (по-местному — *káru*), бывший рукав р. Свирь, в котором в половодье застаивается вода. Последний пример интересен еще и потому, что он демонстрирует неустойчивость *i* в дифтонге *ai* (*Пáйжево* — *Пáжеские Мхи*), что в принципе ставит вопрос об истоках большой группы топонимов в Белозерье, Юго-Восточном Обонежье, на западе Архангельской области с топоосновой *Паж-*: р. *Пáжа*, оз. *Пáжач*, бол. *Пáжболото*, руч. *Пáжсей*, пок. *Пáжема*, оз. *Пáжемское* и др. [ТКТЭ]. Видимо, в действительности она гетерогенна. В разное время предлагалось несколько интерпретаций, в частности из саам. *básse, pase, ppsse* ‘святой’ [Матвеев, 2004, 238–239], а также из утраченного вепсского ландшафтного термина, обозначавшего болотистое, грязное низинное место и родственного вепс. *pačak* ‘грязь’ и *paža* ‘гной’ [Муллонен, 2002, 288–289]. У обеих интерпретаций есть свои изъяны. Саамская некорректна в фонетическом отношении: современный саамский *â* в Белозерье и на смежных территориях Русского Севера сближался с праязыковым узким **ɛ* (*básse* < **pesē*, ср. приб.-фин. *pyhä* ‘святой’). Древний облик гласного сохраняет, к примеру, известное в белозерских говорах *чильма* ‘окно в болоте’: саам. *čál'bme, čalm* ‘глаз’ < **čelmē* [Lehtiranta, 1989] < **šilmä* [Korhonen, 1981, 79]. Он отразился и в известной гидронимной основе *Иле-/Ильм-* (оз. *Илезеро*, *Ильмозеро*, р. *Илекса*, *Ильмеж*), в которой воплотилась западноуральская лексема **ylä* ‘верх, верхний’, в прасаамском виде **elē* (саам. *âlâ*), самостоятельно или в сочетании с формантами [Муллонен, 2018]. В свою очередь, слабые стороны вепсской интерпретации — отсутствие термина в современных вепсских говорах, а также отсутствие надежной этимологии вепс. *paža*. К тому же и семантически вепсское слово не вполне годится в качестве топоосновы. Поэтому по крайней мере для некоторых топонимов с основой *Паж-* прибалтийско-финский этимон *paise* (и его производные) как обозначение места разлива реки, заливных пойменных покосов вполне уместен. Добавим, что аналогичная огласовка, т. е. редукция первоначального *i* в дифтонге, поддерживается и некоторыми другими примерами, например в Заонежье: оз. *Хáшезеро* < карел. *haise-* ‘пахнуть, пахучий’, руч. *Кóвручей* < карел. *koiv* ‘береза’, д. *Вáтнаволо* — карел. *Aitniemi* (карел. *ait* ‘амбар’, *niem* ‘мыс’) и др.

Прибалтийско-финская топооснова *Kost-*

К числу прибалтийско-финских «паводковых» топооснов может быть причислена и основа *Kost-*. Она уже привлекала внимание исследователей топонимии Русского Севера. Для ее интерпретации предложено несколько подходов. Так, при этимологической интерпретации гидронимов руч. *Кóстручей*, *Кýстручей*, *Кóстой*, р. *Кóстюга* (*Кóштюга*, *Кóшчуга*, *Кóщуга*), *Кóстанга* (*Кóстаньга*) обращается внимание на фин. *kostea*, карел. *kostie* ‘сырой, влажный’, вепс., эст. *kostuda* ‘таять’ [Матвеев, 2004, 119, 127; 2007, 88; Кабинина, 2011, 177], а также фин. *koste*

‘мыс, вдающийся в порог или в реку, который часть воды отводит в прилежащий заливчик’, ‘встречное течение’, ‘тихое место, плес’, карел. *kosse*, *košše*, *koste* ‘тихое место, например под защитой острова’, *kosseranta*, *kosterand* ‘берег, находящийся под защитой ветра’ [Матвеев, 2007, 88, со ссылкой на: SSA, 1, 410]. В принципе обе основы логичны в качестве тополексем. Однако материалы по прибалтийско-финской топонимии говорят о том, что фин. *koste*, карел. *kosse* используется в ней минимальным образом. Показательно, что ни одного топонимического примера не приводится в подтверждение топонимического функционирования географического термина в [СКНГТ, 78], единственный пример — берег *Kosteranta* (*ranta* ‘берег’) — нашелся в [Nimiarkisto]. Значительно более фреквентативна здесь основа *maldo-* с синонимичным значением. Это если не отвергает, то все же ставит под сомнение широкое бытование прибалтийско-финской тополексемы *koste* на Русском Севере. Прилагательное *kostea* (фин.) с семантикой сырого места более продуктивно, при этом сам признак «сырое место» как раз хорошо характеризует места разлива рек и озер.

В поисках истоков речных и озерных названий на *Kostm-/Koum-* стоит обратить внимание еще на одну возможность, которую предоставляет глагольная основа *kosta-* с широким спектром значений в современных прибалтийско-финских языках: ‘мстить’, ‘повернуть’, ‘наградить’, ‘отражаться’, ‘отвечать’. Все их объединяет семантика ответного, возвратного действия («в ответ на...»), которая развилась из примарного значения ‘повернуть, вернуться назад’. Считается, что и отмеченные выше *kostea* и *koste* являются историческими производными именно этого глагола [SSA, 1, 410–411]: ‘становиться влажным от намокания, соприкосновения с водой’ (*kostea*), ‘изменять течение при встрече с препятствием’ (*koste*). На потенциал этого глагольного этимона в топонимии обратил внимание финский исследователь Алпо Ряйсянен при анализе восточнофинских озерных именований *Kostamo* и *Kostamusjärvi*. Отличительная особенность номинируемых озер в том, что во время весеннего половодья вытекающие из них ручьи могут поменять свое направление: не вытекать из озера, а наоборот, впадать в него из-за подъема уровня воды в тех реках, в которые они впадают. Мотив обратного движения воды воплотился и в названиях ряда других озер Восточной Финляндии, для которых характерна заболоченность берегов: во время паводка вода из озер заливает прибрежные низины, а в межень уходит обратно [Räisänen, 2010, 503]. Этот ряд продолжается на восток, на территорию Карелии, где известны оз. *Костомукса* в бассейне Верхней Шуи; оз. *Костомукшское* / *Kostamusjärvi* на севере Карелии, в бассейне р. Кемь, при котором возник г. Костомукша; оз. *Кóштомозеро* в низовьях р. Суна. Не всегда мотивы именования лежат на поверхности. Показательно, однако, что оз. *Кóштомозеро* маркирует начало той территории в низовьях р. Суна, на которую распространяется весенний паводок, тянувшийся вплоть до залива Онежского озера *Тулгуба*, название которого тоже помечено «паводковой» топоосновой (см. рис. 1). В перечисленных топонимах

вычленяется суффикс отглагольных имен *-mo* (в *Kostamus-* формант *-mus* < *-mukse* — это конгломерат суффиксов *-mo* и *-ukse* > *-us* [Hakulinen, 2000, 212]) — тоже довод в пользу отглагольных истоков топоосновы. В один этимологический ряд входят, очевидно, пок. *Кóстомы* (Пудож., Песчаное) и пок. *Кóстома*, или *Кóстрома* (Медв., Кузаранда), на заливных местах, с густой травой. Параллельное бытование двух вариантов в Кузаранде ставит вопрос и об истоках таких топонимов, как проток р. Нюхча *Костромá*, или *Костромíнка* (Белом., Нюхча), оз. *Костроминó* (Белом., Лапино), которые могут быть результатом народного переосмысления затемненной топоосновы. Предположение поддерживается в случае Нюхчи и ландшафтом: протоки как раз образуются в результате половодья и его отступления. Нельзя исключать, что за образованиями на *-mo* (в адаптированном русском виде *-ма*) может скрываться утраченный ландшафтный термин **kostamo* ‘место, затопленное водой’. Ср. фин. *kahlamo* ‘брод’ < *kahlata* ‘брести вброд по воде’, *uittamo* ‘место купания или переправы животных’ < *uittaa* ‘купать или переправлять животных вплавь’ и др. [Hakulinen, 2000, 211].

Сложнее определить с истоками целого ряда карельских микропонимов, в которых основа *kost-* выступает без этого маркерного форманта. Определенным критерием здесь может быть характер *t*. Палатализованный *t'* маркирует скорее топооснову карел. *kost'ei*, *kost'ie*, вепс. **kost'ed* ‘сырой, влажный’: бол. *Kost'eisuo* (Конд., Галлезеро), оз. *Kost'ažii*, на берегу которого заливные покосы *Kost'ažed* (Медв., Юостзеро), оз. *Кóстежное*, или *Кóстежень*, в бассейне р. Оять (Лудейн., Красный Бор) < **kost'eine* (*-ine* — диминутивный суффикс), основа косвенных падежей *kosteize-* и др. В их числе могут быть и пок. *Кóсти* (Пудож., Кичаково) или бол. *Кобыльа Кость* (Лудейн., Пойкимо). В то же время за твердой основой может стоять глагольная тополема *kosta-* с семантикой обратного движения. Большое количество примеров бытования как палатализованной, так и твердого варианта топоосновы *Kost-* фиксируется на Русском Севере (пр. *Кóстега*, *Кóстюга*, *Кóстема*, *Кóстома*, *Кóстанга*, оз. *Кóстозеро*, *Костезерьё*). В связи с колебанием в субституции ф.-уг. **o* [Кабинина, 2011, 46–47] внимания заслуживают также р. *Кúстюга*, р. *Кúстома*, оз. *Кúстозеро*, р. *Кúстоба*. Видимо, следует учесть также колебания *c//ш*, что вводит в ряд также р. *Кóшита*, *Кóштюга*, *Кúшита*, *Кúштоба*, *Кúштома* и пр. Разобраться во всех перипетиях непросто, тем более что и топографически разграничить места с мотивировкой именования «сырой» и «затопляемый водой в половодье» не всегда возможно. В этом, вероятно, и нет особой необходимости, если исходить из того, что топооснова *Kost-* могла не просто маркировать сырые места, но была терминологизирована, т. е. помечала места весеннего половодья, которые после спада воды использовались как заливные покосы. Некоторые топонимические контексты Карелии, кажется, указывают на это. Так, оз. *Кóстежное*, или *Кóстежень* (о структуре топонима см. выше), с низкими берегами в бассейне р. Оять (Лудейн., Красный Бор) располагается в пойме руч. *Вáдога* (при рус. диал. *вáдога* ‘пожни в низких сырых местах

по берегам озер и рек» [СРНГ, 4, 12]). В этом же ряду и название вытегорского с. *Коштуги* с пойменными заливными лугами и высоким уровнем половодья. Село получило название по реке, о чем недвусмысленно свидетельствует концовка *-gi* из вепс. *-jogi* ‘река’. На современных картах река названа *Кимрека*, но местные жители именуют ее *Коштуга*. Множество староречий на Мегре при впадении Коштуги — свидетельства половодий, а размещение именно в этом месте старинного села, известного уже в XVI в., — косвенное подтверждение существования пойменных лугов.

Обратимся к одному примеру — названию оз. *Куштозеро*, или *Коштозеро* (Влг., Выт.), в котором мотив ухода и возвращения воды воплощен нагляднее, чем во многих других топонимах этой модели, связанных с сезонным половодьем. Куштозеро входит в число известных вытегорских карстовых озер, из которых вода периодически полностью или частично уходит через карстовые отверстия-*поноры*, а затем вновь возвращается. Воронка на дне оз. Куштозеро (по-местному *вёшкама*) имеет глубину более 11 м. Предполагается, что из оз. Куштозеро вода уходит вместе с рыбой в Онежское озеро. Строгой периодичности в исчезновении воды нет, однако она явно зависит от количества выпавших осадков. По мере того как ледниковая глина постепенно заполняет *понор*, вода снова наполняет обсохшую озерную котловину, и озеро возвращается к жизни [Воробьев, 1997]. Известно, что местные крестьяне даже высевали хлеб на дне озера в те годы, когда вода полностью уходила, и получали в течение двух лет хороший урожай [Беседников, 1875–1876, 17]. Народное объяснение связывало это удивительное явление с водяными, которые проигрывали друг другу воду в карты, а затем отыгрывали ее назад.

Явление периодически исчезающих рек и озер известно на территориях, где происходят карстовые процессы. Оно отразилось и в топонимах — именовании карстовых водоемов. Подробный и качественный разбор именовании новгородских озер и рек карстовой природы предложен в [Васильев, 2004]. Соседнее с Куштозером озеро, из которого тоже вода периодически исчезает, именуется *Лухтозеро*, из вепс. *luht* ‘заливной покос’. Озеро превращалось в заливной луг, успешно обкашиваемый местными крестьянами. В этой связке и на фоне паводков, разливов, характерных для водоемов, в именовании которых присутствует основа *Kost-*, последняя кажется логичной и в гидрониме *Куштозеро*. При этом, видимо, не стоит замыкаться исключительно на ее прибалтийско-финских истоках. Хотя для глагольной основы *kosta-* не обнаружены этимологические соответствия за пределами современного прибалтийско-финского языкового мира [SSA, 1, 410], его реконструкция вполне реальна для исчезнувших языков Белозерья и более восточных территорий Русского Севера. В пользу такого предположения свидетельствует топонимический контекст: топонимия окрестностей оз. Куштозеро содержит целый ряд не только прибалтийско-финских, но и более древних топооснов (см. рис. 2), ср., например, р. *Илекса*, впадающая в оз. Куштозеро

(< прасаам. **üläkse* ‘верх, верхний’), или оз. *Káčozero*, верхнее в системе ундозерских озер (< прасаам. **kaśa* ‘голова, вершина, конец’ [Korhonen, 1981, 81–82, 91; Захарова и др., 2018, 186–192, 196–197]). Привлекательным представляется введение в этот ряд древних финно-угорских наименований двух ям, в которые уходит вода из озера: *Вёшкама* на Куштозере и *Вёшкояма* на Лухтозере. По сути это не просто отверстия, но замыкающиеся отверстием узкие протоки. Так, куштозерскую *Вёшкаму* описывают как «проток, русло, которое тянется зигзагами на полверсты, пока не заграждается горами» [Беседников, 1875–1876, 15]. Они напоминают те ручьи, протоки, заливы, которые маркируются коми термином *вис* (в основе *виск-*) ‘проток, канал (соединяющий озеро с рекой)’ [КЭСНЯ, 58] и этимологически родственным мар. *икса* ‘залив, заводь, затон, старица; речка, проток’, в истоке реконструируется ф.-уг. ***viks-*. Очевидно, здесь, на онежско-белозерском водоразделе, возникла, как и в коми, метатеза, а субституция праязыкового **i* аналогична происшедшей в влг. *вёкса* ‘река, вытекающая из озера и соединяющая два водоема’ [Аникин РЭС, 6, 197].

Рис. 2. Озеро Куштозеро в системе окрестных периодически исчезающих озер

Второй косвенный фактор возможных более глубоких истоков топоосновы *Kost-* видится в широком ареале ее бытования на Русском Севере, включающем Белозерье и Подвине. К сожалению, этимологии не хватает собственно географической поддержки. Информация топографического плана, в частности связанная с половодьем, далеко не всегда собирается в ходе полевых экспедиций, она к тому же не всегда явно маркирует данный водный объект на фоне других. И все-таки некоторые любопытные факты имеются. Например, в разветвленной дельте р. Кубена *Kuштой* именуется рукав, в который впадает под прямым углом р. *Péрешиная* <‘поперечная’> *Kúшма*. Она течет по сильно заболоченной местности, в ходе весеннего половодья переполняется сама и приводит к образованию разлива на р. Кушта и обратному течению воды в ней. Известно, что берега реки традиционно обкашивались жителями Митенского куста поселений [КТК].

Следы субстратной топоосновы **pēnte*?

Среди потенциальных саамских топонимических этимонов с семантикой ‘половодье, разлив’ внимания заслуживает саам. колтта *pīēDDvD*, кильд. *pīn^{dtv}D*, тер. *pīn^{dt}ta^d* ‘разливаться (о реке), подниматься (об уровне воды), переполняться водой, переливаясь через край’, ‘о воде: проступать, просачиваться на поверхность льда’ [KKLS, 1, 363]. Глагол бытует в восточных саамских языках, за их пределами не зафиксирован. С точки зрения фонетического облика, представленного в трех восточных языках, слово полностью укладывается в ряд исконных лексем, и для него позволительно реконструировать прасаам. **pēnte-*, которое могло быть унаследовано из более ранней (прибалтийско-финско-саамской) праязыковой формы **pēnte-* или **pānte-*. Реконструкция, конечно, достаточно гипотетична, поскольку лексема имеет очень узкое бытование в пределах восточно-саамских языков и не зафиксирована в финно-угорских языках. Предположение о том, что она входит в одно этимологическое гнездо с прибалт.-фин. *pinta* ‘поверхность’ [Теуш, 2003, 79], вряд ли оправданно: *pinta* признается в прибалтийско-финских языках явным германизмом с кратким *i* в первом слоге, к тому же проникшим в саамский из финского [Koivulehto, 1986, 164–167; SSA, 2, 370]. Так что реальных этимологических параллелей для саамского глагола *pīēDDvD* пока не обнаружено. Тем не менее он привлекателен в силу своей семантики и некоторых собственно лексических и топонимических фактов северо-западного ареала России. Он, например, заслуживает внимания в контексте известного севернорусского географического термина *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* ‘топкое болото, выкашиваемое в засуху; заболоченный, топкий участок леса или берега реки; покос на сыром, заболоченном месте’. Термин подробно описан в региональных диалектных словарях и не раз становился объектом этимологического анализа. Этимологические интерпретации его подробно разобраны О. А. Теуш [2003]. Автор приводит убедительные доводы в пользу несостоятельности высказанных гипотез, исходящих из карел. *painos*

‘болотистое место между двумя холмами’ (Я. Калима), балтийского заимствования (ср. лит. *riaunys* ‘сенокосное болото’, *riaunis* ‘ложбина’), попавшего в севернорусские говоры через финно-угорское посредство (А. К. Матвеев), гипотетической финно-угорской основы **pentš-/pendž-*, родственной, по мнению автора этимологии, приб.-фин. *pensas* ‘кустарник’ (А. Л. Шилов). Кстати, позднее на приб.-фин. *pensas* как возможный источник *пендуса* обратил внимание и С. А. Мызников [РДЭС, 595]. В свою очередь, предложенная О. А. Теуш этимологическая связь с приб.-фин. *pinta* ‘поверхность (воды); плоскость; гладь’, являясь, безусловно, наиболее обоснованной из всех предложенных на сегодняшний день интерпретаций, тоже вызывает вопросы как фонетического, так и семантического плана. Поэтому, не отказываясь от предложенных наработок, обращаем внимание на привлекательные стороны древнего прасаам. **pēnte-*. Помимо фонетической и семантической адекватности, этимология уместна и с точки зрения словообразовательной модели, укладываясь в тип отглагольных имен с *-s*-овым формантом [Korhonen, 1981, 319, 327]. Следует здесь напомнить, что в свое время саамская лексема *pĩDDvD* привлекла внимание А. Л. Шилова в качестве возможного истока для *пéндуса*, а отказ от нее был спровоцирован, как нам представляется, некорректно выполненной им праязыковой реконструкцией [Шилов, 1997, 14].

Что касается топонимического бытования основы, то ее можно усматривать в названии р. *Пíндуша*, впадающей с севера в обширный разлив Онежского озера, а также в потамониме р. *Пíндеша* (Арх., Карг.) и названии широко разливающейся в низовьях р. *Пíндеша* (Арх., Холм.), в фонетической структуре которых гласный *и* может быть как отражением особенностей восточно-саамской фонетики, так и специфики севернорусской адаптации. В свою очередь, конечное *-ша* может представлять собой как собственно «речной» формант, восходящий к финно-угорскому диминутивному суффиксу, так и реминисценцию финно-угорского *-s*-ового суффикса отглагольных имен (ср. он же в *пéндус*), т. е. в этом случае в потамонимах закрепился ландшафтный термин. Приходится с сожалением констатировать, что этимология каждого севернорусского потамонима — это всякий раз задача с целым рядом неизвестных, поэтому и результат гипотетичен.

Этимология носит предварительный характер, тем более что на западной границе Русского Севера фиксируется группа простых по структуре микротопонимов, среди которых названия пок. *Пéндуга* (Онеж., Кокоринский), *Пéндежа* (Карг., Кречетовский), *Пíндюга* (Конош., Климовский), *Дáльные Пéндужи* (Пудож., Шальский), а также группа топонимов, привязанных к порогам. Среди последних несколько топонимов в Присвирье, в том числе названия луд и (порожистых) участков на р. Свирь и ее притоке р. Ивина: *Пéндега*, *Пя́ндега*, *Пéнтега Плотиченская*, *Су́пáндега* [СГЮВП, 1–8], уч.-к р. Суна *Глубо́кая Пя́ндега* [ПКОП, 136], д. *Пя́ндега* на р. Самина (Выт., Андомский). Сама структура позволяет возводить их к некоему прибалтийско-финскому оригиналу типа **pendeh* или **pendeg*, в котором конечный элемент является суффиксом отыменных (*-h*) или

отглагольных (-*k*) имен. Речь может идти об утраченном термине: никаких надежных аналогов в живых прибалтийско-финских языках нет. Однако в вологодских говорах зафиксирован субстратный по истокам термин *péndä* ‘мель’ [Субботина, 1984, 85], который перспективен в контексте присвирских топонимов. Остается вопрос: можно ли его связывать с **rēnte* как обозначением половодья? Некая связь намечается через саму характеристику местности. Так, пор. *Пяндега* (Прион., Ладвинский) расположен при впадении р. Кяйрека в р. Ивина, при этом сразу ниже порога начинается обширная низина, в прежнее время заливавшаяся в половодье водой, а сейчас мелиорированная. Подобная топографическая ситуация и при д. *Пяндега* на р. Самина: она расположена ниже порога, в подпорожье, там, где река, выйдя из порога, разливается в низких берегах². Вопрос требует дальнейшего исследования.

Выводы

Расшифровка топонимов, тем более субстратных, — это всякий раз задача со многими неизвестными. Несмотря на усилия уже нескольких поколений ученых, севернорусская субстратная топонимия еще во многом остается непознанной. Одни и те же топоосновы периодически возвращаются в исследовательское поле в связи с новыми открывшимися возможностями. Эта статья — тоже в определенной степени такое возвращение. Привлекаемые здесь топонимы — одни в большей, другие в меньшей степени — уже затрагивались в работах по севернорусскому топонимическому субстрату. Новое обращение к ним связано с тем, что выявилась возможность поместить их в другой контекст, в другое окружение, а именно в группу топооснов, номинирующих половодье, паводок. Сезонные или спровоцированные иной причиной разливы вод — не только характерный (пусть и сезонный) признак ландшафта, достойный внимания номинатора, они еще и связаны напрямую с появлением пойменных лугов, игравших существенную роль в хозяйственной жизни местного населения. Названные факторы объясняют востребованность лексики половодья в топонимии. Собственно, ее подтверждают и русские топонимические модели, что мотивирует к поиску соответствующих тополеков в субстратной топонимии.

Проведенный анализ не дал однозначных результатов, но он доказал принципиальную возможность поиска субстратных топооснов, входящих в семантическое поле «разлив, половодье», и позволил ввести в научный оборот некоторые из них. Исследование показало, что продуктивность финско-карельского термина *tulva* ‘половодье’ невелика в Карелии, а на Русском Севере надежные примеры бытования отсутствуют вовсе. В свою очередь, глагольная топооснова *paisV-*, имеющая надежную базу в топонимии на собственно-прибалтийско-финских

²Благодарю за консультацию А. И. Соболева.

территориях, может скрываться за некоторыми севернорусскими проявлениями *Паж-* (*Пáжа*, *Пáжема* и др.). Привлечение топографических свидетельств наряду с собственно языковыми дает основание для включения в ряд «паводковых» и некоторых гидронимов с основой *kost-*, которой в прибалтийско-финских языках присуща семантика движения туда-обратно. Наиболее проблематична реконструированная основа **pēnte-*, следы которой обнаруживаются в восточных саамских языках в контекстах, связанных с подъемом уровня воды, ее разливом. Она перспективна для установления этимологических истоков известного севернорусского географического термина *péndus* / *pénтус*, обозначающего топкое болото, а также ряда гидронимов.

Источники

- Беседников П.* Куштозерский приход и озеро Куштозеро // Олонецкий сборник : материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 1. Петрозаводск : Изд. Олонец. Губерн. Стат. Комитета, 1875–1876. С. 11–19.
- Воробьев Г. А.* Памятные озера Вытегорья // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда : Русь, 1997. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1us/tuz/na/index.htm> (дата обращения: 10.08.2023).
- КТК — научная картотека топонимов Карелии и сопредельных областей (хранится в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск).
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / под ред. М. Н. Покровского. Л. : Изд-во АН СССР, 1930.
- СГЮВП — *Муллонен И. И., Азарова А. И., Герд А. С.* Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) / под ред. А. С. Герда. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997.
- СКНГТ — *Кузьмин Д. В.* Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск : Периодика, 2020.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / под ред. А. С. Герда. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ТКТЭ — топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Nimiarkisto : Электронный архив топонимов Финляндии. URL: <https://nimiarkisto.fi/> (дата обращения: 15.07.2023).
- KKLS — *Itkonen T. I.* Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. O. 1–2. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958. (Lexica societatis Fenno-ugricae ; XV).

Исследования

- Аникин РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.
- Васильев В. Л.* Особенности топонимии карстовых водоемов // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. 2001–2004 / отв. ред. А. С. Герд. СПб. : Наука, 2004. С. 182–190.

- Захарова Е. В., Кузьмин Д. В., Муллонен И. И., Шибанова Н. Л. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте. М. : Языки славянской культуры, 2018.
- Захарова Е. В., Муллонен И. И. Словарь названий населенных мест карелов-люди́ков. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2021.
- Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
- КЭСКИЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М. : Наука, 1970.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004 ; Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.
- Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Свири. Этноязыковое исследование. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002.
- Муллонен И. И. Фонетические варианты древней топоосновы **Ylä*- ‘верхний’ и их генезис в гидронимии Карелии // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 2. С. 7–27. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.013
- РДЭС — Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.
- Субботина Л. А. Заимствования в географической терминологии Белозерья : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1984.
- Теуш О. А. К этимологии севернорусского *пендус* / *пентус* / *пенус* // Этимологические исследования. Вып. 8 / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 67–86.
- Шилов А. Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской чуди // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 3–21.
- Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. 5. muuttumaton painos. Vantaa : Tummavuoren Kijjapaino Oy, 2000.
- Koivulehto J. Pinta ja rasva // Virittäjä. 1986. No. 90. S. 164–177.
- Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1981.
- Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.
- Nikkilä O. Suffiksinvaihto ja suomen sanojen etymologointi // Folia Fennistica & Linguistica. 1998. No. 21. S. 77–101.
- Räsänen A. Kostamo, Onkamo ja muita paikannimiä // Virittäjä. 2010. No. 4. S. 502–530.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki : Kotimaisten kielten tutkimuskeskus : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556).

Рукопись поступила в редакцию 10.06.2023

Рукопись принята к печати 01.10.2023

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

вепс.	вепсский язык	прасаам.	прасаамский язык
влг.	вологодские говоры русского языка	приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
кильд.	кильдинский диалект саамского языка	саам.	саамский язык
лив.	ливский язык	тер.	терский диалект саамского языка
люд.	люди́ковское наречие карельского языка	ф.-уг.	финно-угорский праязык

В названиях административно-территориальных единиц

Арх.	Архангельская область	Медв.	Медвежьегорский район Респу-
Белом.	Беломорский район Республики Карелия	блики	Карелия
Влг.	Вологодская область	Олон.	Олонецкий район Республики Карелия
Выт.	Вытегорский район Вологодской области	Онеж.	Онежский район Архангельской области
Карг.	Каргопольский район Архангельской области	Прион.	Прионежский район Республики Карелия
Конд.	Кондопожский район Республики Карелия	Пудож.	Пудожский район Республики Карелия
Конош.	Коношский район Архангельской области	Холм.	Холмогорский район Архангель-
Лодейн.	Лодейнопольский район Ленинградской области	ской	области
В названиях географических объектов			
пок.	покос		

* * *

Муллонен Ирма Ивановна

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор,

¹ ведущий научный сотрудник топонимической лаборатории

Уральский федеральный университет 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;

² главный научный сотрудник сектора языкознания

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

E-mail: mullonen@sampo.ru

Mullonen, Irma Ivanovna

DrHab, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor,

¹ Leading Research Fellow, Toponymic Laboratory

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia;

² Chief Research Fellow,

Department of Linguistics

Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS

11, Pushkinskaya Str., 185910 Petrozavodsk, Russia

E-mail: mullonen@sampo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5279-4880>

Irma I. Mullonen¹ Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia² Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS
Petrozavodsk, Russia

“FINNISH”-SAAMI FLOOD IN THE TOPONYMY OF KARELIA AND RUSSIAN NORTH

The article analyzes four toponymic stems with the meaning of ‘flood, overflow of water’ that have Balto-Fennic and — more broadly — Finno-Ugric origins and are attested in the toponymy of Karelia, as well as beyond its southeastern borders — in the Russian North. The materials were retrieved from of the Card index of toponyms of Karelia and adjacent regions, as well as the Toponymic card index of the Ural University (data related to Russian North). By virtue of semantics, the toponymic stems under consideration primarily occur in the names of water bodies, as well as flood lands. The analysis shows that all stems have verbal nature and thus are deverbal names. For two of them (*Tulv-* and *Pais-/Paiž-*) etymons (*tulva*, *paise*) are found in modern Balto-Fennic languages. For the third stem — *Kost-* (*Kosht-*, *Kust-*, *Kusht-*), which is traditionally associated with Balto-Fennic adjective *kostea* ‘wet,’ the author suggests the possibility of a ‘flood’-related interpretation. This proceeds, on the one hand, from the fact that the waterlogged places during the flood can be characterized as damp, wet, on the other hand, from the meaning of return movement inherent in the verbal stem *kosta-*. The latter reflects the characteristic movement of water back and forth. Finally, the fourth toponymic stem is based on the Saami linguistic data and their proto-linguistic reconstruction **pēnte-* ‘overflow, rise (about the water level)’ which is presumably present in a number of place names. The analysis makes it possible to revise or at least offer new possibilities for the etymological interpretation of some landscape terms (e.g. *pendus*), as well as toponymic stems that are substratal for the Russian North and toponyms formed from them (*Kushta*, *Pazha*, *Pindusha*). It ultimately advances us in our search for the origins of the substrate toponymy of the Russian North.

Key words: toponymy; substratum; etymology; Baltic-Finnish languages; Sami languages; Russian North; Karelia

Acknowledgements

The grant of Russian Scientific Foundation No. 23-18-00439 *Onomasticon and Linguo-cultural History of the European Russia* (<https://rscf.ru/project/23-18-00439/>) is gratefully acknowledged.

References

- Anikin, A. E. (2007–). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary] (Vol. 1–). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Hakulinen, L. (2000). *Suomen kielen rakenne ja kehitys* (5th ed.). Vantaa: Tummavuoren Kiijapaino Oy.
- Itkonen, E., & Kulonen, U.-M. (Eds.). (1992–2000). *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja* (Vols. 1–3). Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus; Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

- Kabinina, N. V. (2011). *Substratnaia toponimiia Arkhangel'skogo Pomor'ia* [Substrate Toponymy of Arkhangelsk Pomorye]. Ekaterinburg: Ural University Press.
- Koivulehto, J. (1986). Pinta ja rasva. *Virittäjä*, 90, 164–177.
- Korhonen, M. (1981). *Johdatus lapin kielen historiaan*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Lehtiranta, J. (1989). *Yhteissaamelainen sanasto*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Lytkin, V. I., & Gulyaev, E. S. (1970). *Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka* [Concise Etymological Dictionary of the Komi Language]. Moscow: Nauka.
- Matveyev, A. K. (2004). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vols. 2). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Matveyev, A. K. (2007). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vols. 3). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Mullonen, I. I. (2002). *Gidronimiia basseina reki Sviri. Etnoiazykovoe issledovanie* [Hydronymy of the Svir River Basin. Ethnolinguistic Research]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU.
- Mullonen, I. I. (2018). Foneticheskie varianty drevnei topoosnovy *Ylä- 'verkhni' i ikh genezis v gidronimii Karelii [Phonetic Variants of the Ancient Toponymic Stem *Ylä- 'Upper' and Their Genesis in the Hydronymy of Karelia]. *Voprosy onomastiki*, 2(15), 7–27. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.013
- Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Russian Dialectal Etymological Dictionary. Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Nikkilä, O. (1998). Suffiksinvaihto ja suomen sanojen etymologointi. *Folia Fennistica & Linguistica*, 21, 77–101.
- Räsänen, A. (2010). Kostamo, Onkamo ja muita paikannimiä. *Virittäjä*, 4, 502–530.
- Shilov, A. L. (1997). Areal'nye svyazi toponimii Zavoloch'ia i geograficheskaiia terminologiia Zavolochskoi chudi [Areal Connections of Zavolochya Toponymy and Geographical Terminology of the Zavolochya Chud]. *Voprosy iazykoznanii*, 6, 3–21.
- Subbotina, L. A. (1984). *Zaimstvovaniia v geograficheskoi terminologii Belozher'ia* [Borrowings in the Geographical Terminology of Belozerye] (Doctoral dissertation). Ural State University, Sverdlovsk.
- Teush, O. A. (2003). K etimologii severnorusskogo *pendus* / *pentus* / *penus* [On the Etymology of the Northern Russian *pendus* / *pentus* / *penus*]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etimologicheskoe issledovaniia* [Etymological Research] (Iss. 8, pp. 67–86). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Vasilyev, V. L. (2004). Osobennosti toponimii karstovykh vodoemov [Peculiarities of Toponymy of Karst Reservoirs]. In A. S. Gerd (Ed.), *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniia. 2001–2004* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: Materials and Research. 2001–2004] (pp. 182–190). St Petersburg: Nauka.
- Zakharova, E. V., Kuzmin, D. V., Mullonen, I. I., & Shibanova, N. L. (2018). *Toponimnye modeli Karelii v prostranstvenno-vremennom kontekste* [Toponymic Patterns of Karelia in a Spatiotemporal Context]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Zakharova, E. V., & Mullonen, I. I. (2021). *Slovar' nazvanii naselednykh mest karelov-liudikov* [Dictionary of Names of Settlements of Ludic Karelians]. Petrozavodsk: KarNTs RAN.

Received on 10 June 2023
Accepted on 1 October 2023